

Леся Андропова

Геометрия одинокчества

18+

Леся Андропова

Геометрия одиночества

<https://litres.ru/74524202>

SelfPub; 2026

Аннотация

У одиночества — привкус соли, у любви — запах шторма».

СанктПетербург, город туманных каналов и разбитых сердец, становится отправной точкой истории трёх женщин, которым предстоит научиться спасать себя самим.

Марго, хрупкая, словно фарфор, долгие годы прятала своё одиночество под маской безразличия — до встречи с Фаустом. Он — вихрь, загадка, обещание спасения, которое оборачивается новой болью. Его тайна ведёт их в Феодосию, к старому дому у моря, где воздух пропитан виной, а в тени прошлого скрывается призрак женщины, чью жизнь он когда-то разрушил.

Параллельно разворачиваются судьбы Алисы, пытающейся вырваться из оков токсичной страсти, и Клары, плетущей кружева опасного флирта. Их пути переплетаются, обнажая секреты, которые могут как разрушить, так и исцелить.

От промозглого Петербурга до залитых солнцем площадей Италии — это путешествие к свободе, где из осколков разбитой вазы можно выложить дорогу к морю.

Содержание

Геометрия одиночества	5
Завял	17
Розы и грехи	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Леся Андропова

Геометрия одиночества

«У одиночества — привкус соли, у любви — запах штор-
ма».

Геометрия одиночества

Дождливый Питер так и намекал: «Останься дома, в компании белого игристого!»

— Неважно где, важно с кем, — так говорили одинокие подруги, искавшие «того самого».

Доля истины в этом была, ведь в объятиях к тому моменту покоилась лишь опустошенная винная бутылка. Тихий джаз в исполнении Хелен Форрест заполнял комнату, идеально аккомпанируя послевкусиею прошлогоднего развода и нестройному хору четырех кошек. Серый вязаный кардиган, туго стянутый поясом, завершал образ каноничной страдалицы. Красное платье, томящееся в шкафу, сегодня казалось неуместным вызовом.

Задержавшись у зеркала, Марго замерла. Отражение безжалостно объясняло, почему он ушел: взлохмаченные, наспех остриженные волосы, тушь, поплывшая от недавнего водопада слез, и яркое пятно любимой помады — как кровавая печать на бледном лице.

— Запустила ты себя, девочка, — бросила она собственному двойнику.

Четыре часа утра. Бессонница забирала силы, но не давала забвения. Сон упрямо проигрывал битву свиданию у экрана телефона, где в застывшем свете дисплея отражался бокал.

Разум будоражила ночная охота на призраков — бесконечные чаты в социальных сетях, та самая липкая среда, не позволяющая сомкнуть глаз.

Память услужливо подкинула их первый ужин. Ароматные жареные перепела под пышным одеялом из изумрудных листьев салата...

— Решил оглушить меня роскошью? — спросила она тогда, кокетливо склонив голову.

Птицы на блюде будто издевались, безмолвно призывая: «Раздень меня!» В тот миг Марго и сама не прочь была оказаться на их месте. Вглядываясь в манящую зелень его глаз, она чувствовала себя так, словно бежит босиком по альпийским лугам — легко и восторженно. Но стальное оружие в виде вилки в его руке отчетливо дало понять: бегать придется разве что по краю тарелки в поисках жалкой добычи — остатков салата.

Попытка скрасить нынешнее одиночество звонком подружке оказалась провальной. Очередной глоток вина встал комом в горле. Снова слезы.

Клара отвечала на звонки лишь тогда, когда в ее графике образовывалась брешь. Но «свободное время» и «Клара» были понятиями из параллельных вселенных. Вся жизнь подружки напоминала затянувшийся забег по граблям: череда неудачных романов, погоня за призрачным заграничным принцем и мечты об океанском бризе подальше от серых будней.

При этом законный муж Яков пребывал в блаженном или намеренном неведении. Возможно, он и подозревал о ее бурных эскападах, но предпочитал плотно закрывать на это глаза. Его мир был ограничен стенами факультета астрономии, где рабочий график и семейная теплота упорно не желали стыковаться.

Яков был классическим романтиком с дырявыми карманами. Он смотрел на свою Клару так, будто готов был сорвать для нее весь небосвод и сложить его у ее ног. Звонкий смех, лихорадочный блеск глаз и горячие поцелуи на продуваемом ветром берегу Невы — тогда эти моменты казались Кларе ценнее, чем пин-код от золотой карты.

Она мыслила поверхностно, свято веря, что гениальность возлюбленного вот-вот конвертируется в баснословные гонорары. Не подозревая, какой был уготован их союзу, девушка продолжала полировать свои розовые очки.

Проект, над которым Яков трудился годы, так и остался на бумаге. А молодоженам пришлось сменить лоск Петербурга на пыльный уют старой квартиры в Саратове, где его ждала скромная кафедра и должность преподавателя.

Мечты Клары о «тяжелом люксе» разбились вдребезги о стены убогой однушки. Рай в шалаше перестал быть сказочным ровно в тот момент, когда шалаш потребовал капитального ремонта. На последние сбережения она открыла крошечный цветочный магазин неподалеку от дома. Прибыли хватало лишь на самое необходимое, но это место стало ее

убежищем — тихой гаванью, где среди аромата роз она пыталась собрать по частям свою ускользающую женственность.

Диплом бухгалтера пылился в ящике; жизнь расставила приоритеты иначе. Дни склеивались в месяцы. Пропадая в лавке, Клара растворялась в грезах о «том самом» браке, не понимая, как сложно возвести крепость счастья, когда твой мужчина — упрямая, непоколебимая скала, чей взор обращен только к звездам.

Телефон на столе вспыхнул, на мгновение ослепив Марго. Резкий свет разрезал полумрак кухни как скальпель. Входящее сообщение. Одно короткое имя на экране заставило сердце пропустить удар, а затем пуститься в неровный, рваный бег.

— Опять ты, — прошептала она, не решаясь коснуться холодного стекла.

Вино в бокале слегка дрогнуло. Марго знала этот сценарий наизусть: сначала вспышка надежды, затем лихорадочный подбор слов, а на рассвете — горькое осознание собственной слабости. Но пальцы жили своей жизнью. Секунда — и блокировка снята.

«Спишь?»

Всего пять букв, а за ними — пропасть. В этом лаконичном вопросе слышалось все: эхо их общих ночей и небрежная уверенность в том, что она все еще ждет.

— Не сплю, — сорвалось с губ, но в чате она набрала совсем другое.

Рука замерла над кнопкой отправки. В голове всплыл образ Якова, смотрящего на звезды, и Клары, подрезающей стебли роз в своем саратовском плену. Все они были заложниками своих надежд, пленниками людей, которые их не ценили. Марго обхватила плечи руками, пытаясь унять дрожь. Кардиган больше не грел.

Взгляд упал на вилку, оставшуюся от позднего ужина — то самое «стальное оружие», которое в ее воображении когда-то чертило границы тарелки. Теперь эта граница прошла прямо через ее жизнь.

Она медленно стерла написанное. Экран погас, погружив кухню в вязкую серую тишину. Кошки, почувствовав перемену в настроении хозяйки, бесшумными тенями стянулись к ее ногам.

— Ну что, мои верные хранительницы одиночества? — Марго горько усмехнулась, потянувшись за бутылкой.

— Похоже, сегодня наш джаз будет звучать до самого рассвета.

Она знала: если не ответить сейчас, завтра будет легче. Но Петербург за окном продолжал лить слезы, и в этом бесконечном дожде было слишком легко захлебнуться воспоминаниями о мужчине, чьи глаза когда-то казались альпийскими лугами, а на деле оказались глубоким, холодным болотом.

Тишина квартиры вдруг стала давящей. Хотелось разбить этот бокал, разбить телефон, разбить саму ночь. Но Марго лишь поправила сползающий пояс кардигана и снова по-

смотрела в зеркало. Тушь окончательно превратила ее в печального клоуна.

— Завтра я куплю новое платье, — пообещала она своему отражению. — Не красное. Черное. Как эта ночь, которую я наконец-то научусь проживать одна.

Утро наступило бесцеремонно, ворвавшись в спальню через щели в тяжелых шторах.

Петербургское солнце — редкий и капризный гость — сегодня решило поиздеваться, высвечивая каждую пылинку, танцующую над кроватью, и каждую трещину на дне пустого бокала, оставленного на тумбочке.

Марго открыла глаза и тут же зажмурилась. Голова отозвалась тупой, тяжелой болью. Ночной джаз и терпкое вино оставили после себя лишь сухость во рту и липкое чувство стыда за вчерашнее малодушие.

— Никаких сообщений, — прохрипела она, нащупывая телефон под подушкой.

Экран был девственно чист. Ни ответа, ни повторного «Спишь?». Ночная магия развеялась, оставив после себя серый осадок реальности. Тот, чье сообщение она так ждала, снова исчез в пустоте, стоило взойти солнцу.

Подъем напоминал восхождение на эшафот. Ванная встретила холодным светом и беспощадным зеркалом. Однако при дневном освещении вчерашний «печальный клоун» выглядел уже не так трагично — скорее как человек, которому срочно нужен двойной эспрессо и новая точка опоры.

Смывая остатки вчерашней туши, Марго смывала и остатки ночного бессилия.

Через час, облаченная в бежевый тренч, скрывающий помятую душу, она уже шла по Невскому. Город жил своей привычной суетливой жизнью, пах кофе и сырым асфальтом.

Витрина бутика манила холодным блеском стекла. Марго вошла внутрь, окунаясь в стерильную тишину и аромат дорогого парфюма. Консультант, безупречная и отстраненная, как фарфоровая кукла, тут же возникла рядом.

— Ищете что-то особенное? — голос девушки был мягким как бархат.

— Черное платье, — отрезала Марго, просматривая вешалки. — Такое, в котором можно пережить конец света и выйти из него победителем.

Ее взгляд остановился на футляре из тяжелого шелка. Ткань текла между пальцами, как ночная Нева — холодная, глубокая и абсолютно равнодушная к чужим драмам. В примерочной, задернув тяжелую штору, Марго сбросила старый мир вместе с растянутым кардиганом.

Новое платье село как вторая кожа. Оно не обещало счастья, оно обещало броню. Острые линии плеч, безупречный крой, подчеркивающий изгибы тела, которые она так долго прятала от самой себя. Марго выпрямила спину. В зеркале больше не было «брошенной женщины». Там была незнакомка, чья тайна была надежно скрыта под черным шелком.

В кармане завибрировал телефон. Клара.

— Ты представляешь, он опять там, — вместо приветствия вздохнула подруга.

Голос звучал глухо, на фоне шелестела упаковочная бумага и был слышен хруст подрезанных стеблей.

— Яков снова заперся на своем факультете. Какая-то сверхновая, какие-то расчеты... Я стою среди этих чертовых роз, Марго, и чувствую, как сама превращаюсь в гербарий.

Марго оглядела свое отражение в новом платье — строгом, дорогом и совершенно чужом для этого будничного утра.

— А магазин? — тихо спросила она.

— Цветочный? Работает. Куда он денется... Это единственное место, где я еще чувствую себя живой, даже если единственные мои собеседники — увядающие пионы. Яков даже не заметил, что я не спала всю ночь. Он видит только свои звезды, Марго. Ему там, в небе, гораздо уютнее, чем в нашей квартире.

Марго провела ладонью по шелку платья.

— Мы обе застряли, Клара, — произнесла она, глядя, как солнечный зайчик прыгает по стеклу витрины. — Ты — в своих цветах и Саратове, я — в своем черном платье и воспоминаниях. Разница лишь в том, что я сегодня решила купить себе новые доспехи.

— Помогает? — горько усмехнулась подруга.

— Пока не знаю. Но стоять в них гораздо удобнее, чем ползать.

Марго сбросила вызов. Она вышла из бутика, чувствуя, как ткань прохладно касается кожи. Утро продолжалось, и где-то в недрах ее сумочки, среди помады и ключей, лежал невидимый пин-код от жизни, которую она собиралась начать заново — шаг за шагом, по гранитному берегу Невы.

Марго вышла на залитый солнцем Невский, и город тут же принял ее в свои шумные объятия. В новом черном платье она чувствовала себя иначе — не деталью городского пейзажа, а его стихийным центром. Тяжелый шелк при каждом шаге обнимал колени, напоминая: броня надета, и она безупречна.

Она не выбирала маршрут. Ноги сами несли ее мимо Казанского собора, чья колоннада сегодня казалась особенно величественной и безразличной к человеческой суете. Мимо пробегали люди: туристы с картами, вечно спешащие офисные клерки, влюбленные пары, чье счастье кололо глаза острее утреннего света.

Раньше Марго старалась бы спрятаться, слиться с тенями дворов-колодцев, но сегодня ей хотелось обратного. Раствориться — не значит исчезнуть. Это значит стать частью чего-то огромного, пульсирующего и живого.

Возле канала Грибоедова она на мгновение остановилась, облокотившись на гранитные перила. Темная вода под мостом несла на себе блики солнца и клочья случайного мусора — как и ее жизнь, собранная из осколков красоты и бытового хаоса. В памяти всплыло лицо Якова, глядящего в теле-

скоп, и Клары, чей мир сузился до аромата увядающих роз. Они все были точками на этой огромной карте Петербурга, связанными невидимыми нитями разочарований.

«Мы просто транзитные пассажиры в жизнях друг друга», — подумалось вдруг ей.

Марго достала телефон. Палец завис над чатом, который еще ночью казался смыслом существования. Пять букв «Спишь?» теперь выглядели жалкими и неуместными на фоне монументального города. Не глядя, она отправила контакт в архив. Не удалила — на это еще не хватало духу, — но скрыла с глаз, как убирают в дальний ящик старую, вышедшую из моды вещь.

Ветер с залива растрепал ее короткие волосы, и Марго впервые за долгое время не потянулась к зеркалу, чтобы поправить прическу. Тушь больше не текла. Глаза, еще вчера казавшиеся потухшими, теперь жадно впитывали архитектурную строгость линий.

Она двинулась дальше, в сторону Дворцовой площади. Шум толпы становился все громче, поглощая ее мысли, ее имя и ее прошлое. В этом многоголосье было легко забыть о том, что дома ждут четыре кошки и пустое белое игристое. Сейчас существовал только ритм шагов по брусчатке и ощущение собственной силы, завернутой в черный шелк.

Петербург не давал ответов. Он просто предлагал масштаб, на фоне которого любая личная драма казалась лишь каплей в Неве. И Марго, расправив плечи, сделала глубокий

вдох, окончательно исчезая в многотысячном потоке — свободная, одинокая и чертовски красивая в своем новом безразличии.

Дворцовая площадь встретила ее торжественной пустотой. Огромное пространство, залитое холодным светом, распахнулось впереди, точно чистый лист. Здесь, среди бесконечного неба и тяжелой имперской архитектуры, чувство невидимости окончательно утвердилось в мыслях. Но это не пугало — напротив, дарило почти физическое облегчение.

Петербург не лечил, город просто предлагал масштаб. На фоне Александрийской колонны разбитое сердце больше не казалось катастрофой; теперь это был лишь крошечный штрих в истории камня, видевшего и не такие трагедии.

Марго замерла в самом центре площади и на мгновение зажурилась. Ветер хлестал по лицу, принося запах большой воды и близкой зимы. В эту секунду ей удалось стать абсолютно ничьей: ни бывшей женой, ни брошенной женщиной, ни бухгалтером, ни спасательным кругом для Клары. Осталась только Марго — в черном шелке, на острие новой жизни.

Когда веки разомкнулись, мир вокруг обрел режущую четкость. Прошлое осталось за спиной: там, в тесных стенах кухни, под джазовые стоны Хелен Форрест. Впереди лежала лишь брусчатка, уходящая в бесконечность, и город, который никогда не спит, но всегда хранит молчание о главном.

Пальцы поправили воротник тренча. Шаги по камню за-

звучали уверенно и четко. Гул толпы окончательно сомкнулся над головой, принимая в свои ряды еще одну душу, решившую начать все с чистого листа.

Завял

— Как дела на работе? Не нашел еще свою Кассиопею? —
Клара обернулась на звук шагов.

— Ты — моя Кассиопея, — Яков подошел сзади, заключая жену в объятия. Руки его были теплыми, надежными. Он нежно притянул ее к себе, уткнувшись носом в шею. — Вкусно пахнешь.

Аромат «звездного» парфюма смешивался с утренним светом, наполняя комнату.

— Чем займемся?

— Полетим в космос, — выдохнул он, увлекая Клару в глубокий поцелуй.

Влюбленные тонули в белоснежных простынях, и в тот вечер звезд на их личном небе было не сосчитать.

Утро заставило Якова подняться. Он пригладил ладошкой белокурые волосы и привычным жестом указательного пальца поправил очки, пытаясь придать лицу серьезность. Но звонкий смех Клары разбивал этот образ вдребезги.

— Пора бы отправить это старье в мусорку, — ехидно улыбнулась она, не сводя глаз с мужа.

— Только после повышения, — отозвался Яков, лихорадочно сражаясь с рубашкой.

Пуговицы, эти мелкие проказницы, не желали поддавать-

ся и словно танцевали чечетку на мятой ткани.

— Вот черт! Не застегиваются.

— Давай помогу, — Клара скользнула к нему, обвивая мужа, словно гибкая змея. — Всем смирно!

Утюг за несколько минут умирил строптивую ткань. Довольная собой, женщина продолжала двигаться рядом, дразня и мешая сосредоточиться.

— Ну все, перестань, я безнадежно опоздаю на совещание.

— Всего пару минуточек, давай еще понежимся...

— Почему ты стала такой милой? — Яков рассмеялся, одеваясь в коридоре. — Неужто в тебя вселился ангел?

— Милый, ангел здесь только один, — Клара игриво поправила ему галстук, затягивая узел чуть туже, чем нужно.

Захлопнувшаяся дверь шепотом предложила повеселиться. Свобода.

Оставшись одна, Клара тут же нырнула в бездонный океан социальных сетей — навстречу новому романтическому приключению.

— На голове беспорядок! — усмехнулась она, глядя в зеркало и умиряя непослушный локон.

— Главное, чтобы его не было внутри.

В «багаже» входящих сообщений томился тайный воздыхатель. Свободолюбивая натура требовала страстей и интриг — того, что не мог предложить зануда-астроном. Тело молодой женщины манило, как горячий пирог: стоило коснуться

— и ожог был неизбежен. Бедра будто напевали симфонию, будоражащую сознание, а ложбинка груди звучала как гимн для утопающих. Из этого водоворота еще никто не выбирался живым.

Самое откровенное белье было спрятано под строгим черным пальто. Вскоре быстрый перестук каблуков зазвучал в гулком подъезде. Лифт, точно немощный старик, хромал по этажам, сипло скрипя дверьми при прибытии на конечную.

Альберт замер. Перед ним стояла та, что мучила его сознание долгими ночами.

— П-проходите... — пролепетал он, явно не ожидая такого внезапного визита.

Клара решительно шагнула в коридор просторной квартиры. Тишину нарушил голос из кухни, показавшийся до боли знакомым.

— Алиса?! Что ты здесь делаешь?

Появление подруги повергло ее в шок. Альберт молча указал в сторону спальни, и Алиса покорно ушла, не проронив ни слова. Лишь багровый синяк на ее ноге полоснул Клару по глазам. Прежде чем удалось задать вопрос, Альберт прижал ее к стене, бесцеремонно ощупывая тело.

— Хороша! — он прикусил губу и больно ущипнул Клару.

— Что здесь происходит? — она попыталась вырваться, жадно хватая ртом воздух под его тяжелой рукой.

Произошедшее дальше казалось дурным сном. Мужчина и другая женщина сплелись в одно целое, будто уносясь в

иной, уродливый мир. Руки Альберта оставляли извилистые тропинки царапин на чужой плоти. От увиденного хотелось провалиться сквозь землю. Сил хватило лишь на то, чтобы доползти до двери, пока из спальни доносился надрывный стон Алисы.

Девушка в черном пальто вылетела из квартиры и бросилась вниз по бесконечной лестнице. Сердце колотилось в горле. Приходилось поминутно оглядываться: не бежит ли этот мерзавец следом?

Ближайший бар за углом встретил тяжелым, липким полумраком и запахом поджаренного фритюра. Это было не то заведение, где подают изысканные коктейли в тонком стекле; здесь время замирало в мутных бликах на стойке. Клара рухнула на высокий стул, даже не снимая черного пальто, которое теперь казалось не элегантным нарядом, а испачканной уликой.

— Самый крепкий. И без льда, — бросила она бармену, не глядя ему в глаза.

Пальцы дрожали, когда удалось выудить из сумочки зеркальце. Отражение ужаснуло: идеальный порядок на голове превратился в воронье гнездо, а помада размазалась, сделав рот похожим на свежую рану.

«Ты хотела страсти, Клара? — ядовито прошептал внутренний голос.

— Получай.

Напиток обжег горло, заставив закашляться. Перед глаза-

ми все еще стоял Альберт, его хищный оскал и Алиса — покорная, сломленная, с тем ужасающим синяком. Желудок сжался от приступа тошноты. Хотелось немедленно содрать с себя это белье, содрать кожу, лишь бы не чувствовать на ней фантомных прикосновений извращенца.

— Если бы ты знала, что я пережила... ни за что бы не поверила, Марго, — бормотала Клара под нос, представляя рядом подругу.

Белоснежная хлопковая простыня родной кровати расплывалась в замысловатых узорах. Клара жадно вдохнула аромат чистого белья.

— Как хорошо, что я дома...

Звук захлопнувшейся двери означал, что Яков ушел на работу. Как удалось добраться до собственной квартиры — осталось загадкой. Дисплей телефона подавал сигналы бедствия: один процент заряда.

Двадцать пропущенных от неизвестного.

Сообщение от Алисы: «Это было ошибкой, прошу, никому не говори».

Автоответчик настойчиво повторял: «Абонент недоступен». Альберт не давал покоя, терзая звонками. Парень, носивший маску приятного человека, оказался извращенцем, втянувшим в свои игры близкого человека.

— Дорогой, завтрак готов!

Яичница и черный кофе — неизменный ритуал Якова на протяжении трех лет. Белая рубашка, отглаженные брюки — муж всегда выглядел как с иголочки. Несмотря на скучный консерватизм, Клара боготворила этого мужчину. Но каждый новый день подкидывал одну и ту же дилемму: остаться в старой квартире с «ботаником» или продолжить поиски того, кто превратит жизнь в золотую сказку, не оставляя на теле шрамов.

Утро в цветочном магазине всегда начиналось с ритуала: подрезать стебли, сменить воду в вазах, вдохнуть аромат свежести, который должен был очищать душу. Но сегодня запах лилий казался Кларе удушающим, приторным — как парфюм в квартире Альберта. Каждое движение отзывалось ноющей болью в мышцах — напоминание о вчерашнем бегстве по лестнице.

Колокольчик над дверью звякнул, заставив вздрогнуть. В проеме показался не покупатель, а Алиса. Подруга выглядела тенью самой себя: бледная, с лихорадочно блестящими глазами, она прятала руки в карманы объемного плаща.

— Нам нужно поговорить, — вместо приветствия бросила Алиса, проходя вглубь лавки мимо ведер с хризантемами.

Клара почувствовала, как внутри все заledenело. Пальцы, сжимающие секатор, побелели.

— Нам не о чем говорить. То, что я видела... я хочу это забыть. Стереть. Понимаешь?

— Забыть не получится, — Алиса подошла вплотную, и в ее голосе зазвучал металл, которого Клара раньше не замечала.

— Альберт в ярости. Ты убежала, а он не привык, когда с ним так поступают. Он ищет тебя, Клара. И, кажется, он знает, где работает твой муж.

Секатор с глухим стуком упал на кафельный пол. Мир вокруг сузился до размеров маленького цветочного магазина, который больше не был убежищем.

— Откуда... откуда он может знать? — голос сорвался на шепот.

— Ты сама дала ему зацепку в тех бесконечных чатах, — Алиса горько усмехнулась, и на ее лице на мгновение проступила гримаса боли.

— Гордилась своим «звездным мальчиком», помнишь? Теперь Альберт хочет «познакомиться» с ним поближе. Если ты не придешь сегодня вечером к нему... он придет на факультет астрономии.

В этот момент в кармане Клара завибрировал телефон. Сообщение. Не от Альберта. От Якова: «Милая, сегодня задержусь. Открыли что-то невероятное в созвездии Ориона. Люблю тебя».

Слова любви на экране телефона выглядели как приговор. Пока Яков искал свет в миллиардах световых лет от Земли, тьма из ее собственного телефона уже стояла на пороге их дома.

Клара посмотрела на Алису. Подруга больше не казалась жертвой — в ее глазах читалась странная, обреченная решимость.

— Ты на его стороне? — выдохнула Клара.

— Я на стороне выживания, — отрезала Алиса и, не оборачиваясь, вышла из магазина, оставив после себя лишь резкий запах дешевых сигарет и страха.

Клара осталась одна среди сотен роз. Бедро, еще вчера «напевавшие симфонии», теперь казались налитыми свинцом. Нужно было решать: продолжать играть роль идеальной жены и ждать удара в спину — или самой шагнуть в пасть к зверю, чтобы защитить то единственное чистое, что осталось в ее жизни — своего зануду-астронома.

Цветочный магазин остался позади — брошенный, с незапертой дверью и ароматом лилий, который теперь казался запахом похорон ее прежней беспечности. Клара почти бежала по тротуару, не замечая любопытных взглядов прохожих. Черное пальто, еще вчера бывшее частью соблазнительного образа, сегодня превратилось в тяжелый панцирь.

Здание отделения полиции встретило запахом казенного хлора, дешевого табака и безнадёги. Здесь не было места «звездным парфюмам» или симфониям бедер. Здесь царила голая, неприкрытая правда в свете мигающих люминесцентных ламп.

Дежурный за стеклом — мужчина с лицом, изборожденным усталостью, как старая карта, — даже не поднял глаз,

когда Клара приникла к окошку.

— Мне нужно подать заявление. Насильственные действия... угрозы шантажа, — голос дрожал, но слова падали тяжело, как камни в колодезь.

Через полчаса она уже сидела в тесном кабинете. Стены, выкрашенные в унылый бежевый цвет, давили со всех сторон. Молодой следователь с цепким взглядом профессионального охотника листал ее паспорт, а затем перевел взор на Клару.

— Рассказывайте все. С самого начала. Кто такой Альберт? Кем вам приходится Алиса?

И Клара заговорила. Красивая манера речи, к которой она так привыкла в светских беседах, здесь рассыпалась прахом. Приходилось выворачивать наизнанку свою тайную жизнь: бесконечные переписки, жажду адреналина, ловушку в просторной квартире и тот самый синяк на ноге подруги, который стал для Клары красным сигналом опасности.

— У него есть видео? Фотографии? — следователь записывал, не выказывая ни тени сочувствия или осуждения. Для него это была лишь очередная папка в стопке дел.

— Я не знаю... Он угрожает моему мужу. Мой муж — ученый, он... он ничего этого не заслужил, — Клара закрыла лицо руками.

Впервые за три года брака она почувствовала не скуку от консерватизма Якова, а неистовое желание защитить его чистоту от той грязи, в которую вляпалась сама.

— Мы примем заявление, — следовательно отложил ручку. — Но вы должны понимать: как только мы начнем работать, скрывать это от супруга станет практически невозможно. Альберт — персонаж известный в определенных кругах, и его методы... скажем так, не отличаются джентльменством.

Клара вышла на крыльцо отделения, чувствуя странную пустоту. Пин-код от «роскошной жизни» окончательно стерся из памяти. В кармане снова завибрировал телефон. Она содрогнулась, ожидая увидеть имя мучителя, но на экране светилось сообщение от Марго:

«Как ты там? Твой цветочный еще не завял?»

Клара горько усмехнулась, глядя на облупившуюся краску полицейского участка.

— Завял, Марго. Все завяло, — прошептала она, нажимая кнопку вызова.

Ей нужно было услышать голос подруги прежде, чем гравитация ее собственного обмана окончательно обрушит потолок их саратовской однушки.

Розы и грехи

Память хранит лица многих женщин, но ни одна из них не оставалась на завтрак. Что это значило? Лишь пустую трату времени, размен чувств на мелкую монету. Сердце оставалось неприступной крепостью, пока в поле зрения не появилась та, с соседнего балкона.

Безумная скандалистка. По вечерам из ее окон долетали отголоски бурь, а сквозь панорамные окна квартиры было видно, как платья в неистовом танце разлетаются по комнате. В ее окнах горел огонь, но, к сожалению, не в глазах. Каждое утро начиналось с одного и того же ритуала: созерцание ее силуэта из глубины излюбленной кофейни.

Наблюдение превратилось в искусство. Фигура, грация... Ни одна из античных богинь не выдержала бы сравнения с этой дамой. Казалось, тысячи созвездий вплелись в ее роскошные молочные локоны. Небесно-голубое платье, которое надевалось по четвергам, отчаянно рвалось на свободу. Ткань будто кричала об острой недостаточности моря в этой пыльной городской суете. Вдох невольно вырывался из груди при виде этого великолепия.

Что было известно об этой паре? Ни разу не довелось увидеть того счастливчика, которому досталась такая фортуна. Но внутри зрела решимость: однажды признаться в намере-

ниях. Хотелось владеть ею... полностью и целиком. Увезти туда, где бескрайние песчаные пляжи встречаются с горизонтом, и наполнять бокал белым полусладким. Стать бы самому этим бокалом, лишь бы отражаться в блеске этих чарующих глаз.

Прошлый брак остался в памяти как досадная ошибка. Главный урок был усвоен: бракованные вещи нужно заменять непременно. Любви в запасе осталось ровно на один вечер. Опустошая бокалы прожитых дней, моря мыслей постепенно высыхали, обнажая дно, где еще теплилось призрачное удовольствие. Главное — не утонуть в этом вязком болоте.

Однажды рука приоткрывает дверь ее магазина, а может быть, и дверь ее души. Окна бесконечных мечтаний распахнутся настежь, впуская чистый запах свободы. Пока же — лишь невидимая цепь. Ни шагу вперед, ни шагу назад. Только томительное ожидание момента.

— Мне, пожалуйста, капучино! И пену взбейте поплотнее, как я люблю. Бариста кивнул, привычно улыбнулся и взялся за дело: зашумел кофемолка, зашипел пар.

Поправляя шелковистые локоны, Клара кокетливо пыталась поймать взгляд бариста. Сегодняшний образ был безупречен. По пятницам в ход шла шелковая юбка и откровен-

но манящий топ. Глубокое декольте пело оды женственности, сливаясь в удачном дуэте с терпким парфюмом.

Клара повернулась к витрине и посмотрела на своё отражение в темном стекле. Локон выбился из прически. Она поправила его двумя пальцами, потом достала из сумочки помаду — ярко-алую, под цвет юбки. Нанесла ровным слоем, чуть поджала губы.

— Простите, — раздался голос за спиной.

Она обернулась.

Мужчина стоял в двух шагах от неё. Высокий, в простой светлой рубашке, без пиджака. Волосы ещё хранили следы недавнего душа, слегка вились на концах.

Трёхдневная щетина странным образом не портила его вид — скорее придавала небрежной харизмы. В руках он держал телефон, но взгляд был направлен на неё.

— Вы что-то уронили? — спросил он.

Клара опустила глаза на пол. Пуговица? Брошка? Ничего.

— Нет, — ответила она настороженно.

— Тогда это я, — он чуть улыбнулся, и в уголках глаз собрались тонкие морщинки.

— Что именно? — Клара нахмурилась.

Он сделал паузу, будто взвешивая слова.

— Причина, по которой вы обернулись.

Клара убрала помаду обратно в сумочку, стараясь скрыть легкое замешательство.

— Самоуверенно, — бросила она.

— Зато честно, — он пожал плечами.

Бариста поставил чашку на стойку с лёгким стуком.

— Ваш капучино.

Клара взяла чашку, но не ушла. Пальцы слегка дрогнули, когда она почувствовала тепло фарфора.

— Вы всегда знакомитесь с женщинами, которых видите впервые? — спросила она, чуть наклонив голову.

— Нет, — коротко ответил он.

— А сегодня особый день? — в ее голосе прозвучала ирония.

— Сегодня вы в красном, — он скользнул взглядом по её юбке.

Она опустила глаза, будто проверяя, действительно ли цвет такой заметный.

— Это преступление? — приподняла бровь.

— Пока нет, — он улыбнулся шире.

— А если я скажу, что собираюсь совершить? — она сделала паузу, ожидая реакции.

— Тогда придётся выяснить, какое, — его взгляд стал чуть серьёзнее.

Клара усмехнулась, но в усмешке было что-то нервное.

— Любопытство — плохая привычка, — сказала она.

— Некоторые привычки полезны, — он сделал шаг к ней.

Клара не отступила, но пальцы крепче обхватили чашку.

— Например? — её голос прозвучал чуть резче.

— Замечать детали, — он не сводил с нее глаз.

— И что же вы заметили? — она попыталась придать голосу лёгкость, но вышло натянуто.

Он на секунду задержал взгляд на её лице, будто сканируя.

— Вы улыбаетесь, когда хотите закончить разговор, — произнес он спокойно.

Клара перестала улыбаться.

— А вы слишком много говорите для человека, который только что подошёл, — отрезала она.

— Значит, я угадал, — он не смутился.

Она поставила чашку на стойку так резко, что кофе чуть не выплеснулся.

— Вы всегда считаете, что угадываете людей? — её голос стал холоднее.

— Нет. Только тех, кто старается быть непредсказуемым, — он слегка наклонил голову.

— Разочарую вас. Я совершенно предсказуема. — Тогда скажите, что сделаете сейчас, — он прищурился.

Клара посмотрела на дверь — та манила выходом, обещанием дистанции.

Потом перевела взгляд на него.

— Уйду, — произнесла твердо.

— Не уйдете, — он покачал головой.

— Почему? — она вскинула подбородок.

— Потому что вам интересно, — он говорил так, будто констатировал факт.

— Вам бы очень хотелось так думать, усмешка вышла сла-

бой. — она попыталась усмехнуться, но он сделал еще один шаг, но остановился на расстоянии, которое еще можно было назвать приличным.

— А вам бы очень хотелось доказать обратное, — Клара взяла чашку, будто ища опору.

— Вы даже имени моего не знаете, — бросила она.

— Альберт, — он протянул руку.

Она посмотрела на неё, но не пожала. — Очень предусмотрительно, — её голос дрогнул.

— Вы спросили имя. Я ответил, — он не убрал руку.

— А моё? — она прищурилась.

— Клара, — он произнес это так, будто знал давно.

На этот раз она замолчала.

— Откуда вы... — начала она.

— Вы заказывали кофе здесь раньше, он кивнул на бариста, который делал вид, что не слушает.

— Не припоминаю, — она нахмурилась.

— Это нормально, — он опустил руку, но не отступил.

— Что именно? — её тон стал резче.

— Что вы меня не заметили, — он смотрел прямо на неё.

Клара медленно поставила чашку.

— Вы за мной следили? — её голос зазвучал жестче.

— Если бы следил, вы бы знали, — он усмехнулся.

— Это не успокаивает, — она сжала ремешок сумочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.